

ЧЕЛОВЕК, КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

УДК 130.2

С. З. Гончаров

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОГО СУЩЕСТВА

Аннотация. В статье на основе теоретического обобщения раскрывается феномен человека в креативном измерении. Данное исследование предпринято с целью определения перспективных возможностей для процессов образования. Определены основы универсальной сущности человека как культурно-исторического существа, обладающего бесконечными возможностями саморазвития. Человек представлен в «зеркале» основных философских концепций: натуралистической, православно-ориентированной и «био-социальной», или «био-социо-культурной». В понимании природы человека отмечаются две крайности – антропологический эссенциализм, утверждающий, что сущность предзадана отдельному индивиду, и антропологический экзистенциализм, провозглашающий обратное: существование человека предшествует его сущности, которая конституируется в актах выбора, самопроектирования и самоответственности за выбор и проект. Если в первом случае игнорируется субъективная сторона бытия человека, то во втором – объективная, социально обусловленная. Обе группы этих теорий антиисторичны, так как история, конечно, сформировала сущность человека в ее родовой определенности, но эта определенность модифицируется в актах деятельности и общения в тот или иной исторический период.

Выделены слагаемые универсальной сущности человека: наличие у него неорганического тела, социальная наследственность, отсутствие врожденных программ социального поведения, свобода воли, самостоятельность, творчество, общественная природа и его разум. Автор считает, что, для того чтобы универсальная сущность человека получила достойное осуществление, необходим переход экономики от спекулятивно-рыночной, ориентированной на прибыль, к креативной, нацеленной на социальную положительную эффективность, на качество жизни и воспроизводство целостных индивидов.

Результаты анализа могут быть применены в разработке методологии философской и педагогической видов антропологии, а также в практике преподавания в высших учебных заведениях философии и теории педагогики.

Ключевые слова: человек, философские толкования сущности человека, неорганическое тело человека, основы универсальной сущности человека.

Abstract. On the grounds of theoretical synthesis, the paper reveals the phenomenon of human being in its creative dimension. The present research is aimed at exploring the prospective opportunities for academic processes. The basics of universal essence of man as a cultural historic being with unlimited potential of self-development are defined; the man being mirrored by the basic philosophic concepts: naturalistic, orthodox-oriented, bio-social or bio-socio-cultural. There are two opposing views on human nature: the anthropological essentialism holding that individuality is predetermined by essence; and the anthropological existentialism claiming the opposite – human existence precedes the essentiality, the latter being constituted by the acts of choice, self-development and self-responsibility for personal choice and projecting. In the first case, the subjective side of human existence is ignored, while in the second – the objective socially conditioned side is left behind. Both theories are anti-historical as it is the history that conditions the essence of man according to the ancestral determination, the latter being modified by way of human activity and communication in a particular historical period.

The components of human universal essence are defined as follows: possession of organic body, social heritage, free will, self-activity, creativity, social and rational human nature, absence of antagonistic programs of social behavior. According to the author, for the adequate realization of human universality, it is necessary to move from the profit oriented speculative market economy to the creative one oriented on social effectiveness, quality of life and reproduction of wholesome individuals.

The research output can be used for devising the methodology of philosophic and pedagogic anthropology, as well as pedagogic practices of teaching philosophy and pedagogic theory in higher school.

Index terms: man, philosophical interpretation of human essence, non-organic human body, basics of universal human essence.

За последние годы, судя по количеству публикаций, значительно возрос интерес к антропологии: издаются монографии по педагогической, психологической, юридической, экономической антропологии. Оформилась наука о расцвете продуктивно-творческих сил человека и об его вершинных достижениях – акмеология. Различные научные школы, развивающие культурологические основы образования, (Тюмень – В. И. Загвязинский, Уфа – В. Л. Бенин и др.) тоже исходят из определенных представлений о человеке. Очевидно, что с *устойчивым инвариантом человеческого существа*, с всеобщей природой человека, которая сформировалась в ходе истории, целесообразно согласовывать не только образование, но

и социальную политику. Между тем теоретические исследования сущности человека как-то отступили на задний план. В результате социальная политика государства, в том числе в области образования, лишается стратегических ориентиров.

За последние 25 лет в России происходит стремительная смена так называемых «приоритетов»: «социализм с человеческим лицом», демократизация, «гласность», «приватизация», «суверенная демократия», «экономика знаний», «умная экономика», «инновационное общество», «модернизация» и т. п. Такая спешка в декларациях неудовлетворительна в том отношении, что все новые ориентиры не отвечают на главный вопрос – *ради чего* они предлагаются. Только зная ответ на него, можно решить, «как» и «что» надо делать (Ю. М. Бородай).

Обновление сфер общества осуществляется в итоге ради *обновления образа человеческой жизни*. Экономика, политика, культура и многое другое должны иметь, в конечном счете, человеческие индикаторы (показатели), побуждающие личность к достойной мотивации. Но в советский период на антропологию «фыркали» как на хитрый прием буржуазной философии, призванный завуалировать классовый подход к научным изысканиям и практической деятельности. При этом ссылались на К. Маркса, который, однако, иронизируя над И. Бентамом, заметил: если мы хотим узнать, что полезно для собаки, то мы сначала должны исследовать собачью природу; если мы хотим применить принцип полезности к человеку, хотим по этому принципу оценивать человеческие действия, отношения и т. д., «то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху» [7, с. 623].

Поэтому К. Маркс, прежде чем предлагать свои концепции в экономике и политике, выяснил для себя, «какова человеческая природа вообще» [9]. Он исходил из *универсальной природы* общественного человека, его *свободной самодетельности*. Сущность человека – свободная самореализация творческих сил в актах самодетельности, в силу чего он испытывает радость и удовольствие от созидательного самоосуществления и от признания своей собственной социальной значимости – так кратко можно сформулировать позицию Маркса, показавшего, как *уродуется* природа

человека ради производства прибыли, и разработавшего модель преобразования общества, адекватного сущности человека.

«Философская антропология, – писал в своей замечательной книге В. Д. Жукоцкий, – это всегда квинтэссенция философской системы, ее смысловое ядро» [1, с. 3]. Философской антропологии надо вернуть ее смысложизненное значение по отношению к прикладным разработкам, будь то образование, психология или экономика.

Известный пессимизм относительно человека и его перспектив порожден, вне сомнения, капиталистической формой производства общественной жизни. Капитализм – это устаревшая марка исторического автомобиля, который мчит человечество в пропасть. Практические деятели такого производства и их идеологи-пустомели «совершенно не способны мыслить средства производства отдельно от той своеобразной антагонистической общественной маски, которая одета на них в настоящее время, подобно тому как рабовладелец не способен представить себе рабочего, как такового, отдельно от его роли раба» [7, с. 622].

Дело философии не адаптировать человека к устройству указанного автомобиля, к служению мамоне, а пробуждать в человеке его достоинство, его исторически сложившийся культурный потенциал и предлагать общественные формы, просторные для самодетельности и нравственно возвышенной общности.

Надо идти «в глубину» (И. А. Ильин), проектировать образ *креативного человека и общества*, чтобы стала очевидной та гибельность, которую несет в себе современная буржуазная экономикоцентричная цивилизация, та исходящая от нее реальная угроза для универсальности, субъектности и духовности человека.

Универсальность общественного человека есть его реальная культурная возможность, которая претворяется в действительность при условии обретения индивидами *субъектности*. Это – условие необходимое, но недостаточное. Ведь субъектные качества могут осуществляться не только в творении добра, но и зла. Поэтому важен вопрос о *духовности* субъектов, о ценностном векторе их деяний – «во имя чего?». В данной статье мы попытаемся раскрыть универсальную сущность человека как культурно-исторического существа, чтобы впоследствии обсудить вопросы субъектности и духовности.

Человек в зеркале основных философских концепций

Основные антропологические концепции (натуралистические, социологические, идеалистические, богословские), несмотря на их различия, толкуют сущность человека как нечто универсальное, т. е. обладающее бесконечными возможностями саморазвития. Только основа универсальности понимается по-разному – как неограниченность или продуктивных сил природы, сфокусированных в человеке (Л. Фейербах), или общества (К. Маркс), или духа (Гегель), или божественных энергий в душе человека (тексты Священных книг). Отметим в сжатом виде их преемственность и различия.

Согласно натуралистической концепции сущность человека – *природная*: человек сосредоточивает в себе и излучает все основные продуктивно-творческие силы самой природы. В лице человека природа познает саму себя и приходит к самосознанию и самопознанию. Природа – мать, а люди – ее самые одаренные дети.

Эта концепция вселяет в человека чувство родства с природой и дает некий душевный комфорт – чувство Дома. Однако натурализм неудовлетворителен в том отношении, что он слишком мало объясняет бытие человека (почему, например, человек жертвует собственной жизнью ради чести, высокой благородной идеи, Родины, и т. д., переступая инстинкт самосохранения); не способствует решению проблем ценностных основ воспитания, педагогики, духовного единения народа, веры и др.; не позволяет прогнозировать развитие людей, общества. Так, Фейербах полагал, что тайну человека в состоянии раскрыть лишь физиология (!). А академик Н. Амосов, знаменитый хирург, считал, что «точные науки поглотят психологию и теорию познания, этику и социологию, а следовательно, не останется места для рассуждений о духе, сознании, вселенском Разуме и даже о добре и зле. Все измеримо и управляемо» [5, с. 133]. Натурализм в понимании сущности человека открывает широкие возможности для концепций расизма, нацизма, современного социал-дарвинизма, который пролагает себе дорогу как социал-расизм в форме либеральной рыночной экономики (выживает сильнейший).

Недостатки натурализма в значительной мере преодолевает трактовка социологической концепции: сущность человека сверх-

природна, социальна. Социальное есть формы надприродной активности, которые возникают в совместной деятельности и общении людей, закрепляются в теле человека нейрофизиологически и выступают как человеческие способности – усвоенные человеком социально значимые способы деятельности. Способности вырастают не из органического тела человека, а из его социального тела (совместной деятельности и общения) и закрепляются в индивиде телесно-душевно-духовно. Эта концепция опирается не на естественную природу (натуру), а на «вторую природу»; она в значительной степени объясняет существенные особенности бытия человека, но в ее рамках (в версии упрощенного «истмата») нельзя понять в должной мере направляющую и регулятивную роль духа, сознания, мышления в жизни человека и в функционировании всех звеньев социальной системы.

Следует отметить, что антропология Карла Маркса (в отличие от иных вариантов философской антропологии) является единственной, где со всей определенностью и классической ясностью представлена универсальность человека, причем в ее реалистической и перспективной форме¹.

Православно-ориентированная философская антропология (И. А. Ильин, А. М. Лосев, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и др.) тем отличается от секулярно-философской, что она решает проблему абсолютного основания *духовного* единения людей, исходя из определенной методологии: человек, конечно, соткан из природного материала, из остывшей «звездной пыли»; но природное снято в надприродном, в социальном; социальное же в человеке снято в духовном; духовное в человеке есть веяние божественных энергий. С позиций вертикали «божественное – духовное – социальное – природное» истолковывается как удельный вес компонентов бытия человека.

¹ К. Маркс писал: «На самом деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? ... Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 476).

Существует и эклектичное толкование сущности человека – как «био-социальной» или как «био-социо-культурной». Но сущность – это не рядоположенные кубики, не плюрализм и мозаика, а монизм, единство в многообразии. Предмету, коль он реально *о-предел-ен*, свойственна одна сущность. «Коктейль» же из «био-социо-культурной» сущности логически невозможно осмыслить. Вместо понятия будет расплывчатое представление. По поводу подобной точки зрения остроумно высказался Э. В. Ильенков: такая логика с неизбежностью приведет к «социально-био-химически-электро-физически-микрoфизически-квантово-механическому» пониманию сущности человека [4, с. 325]. «Что же касается понятия “человек” в подлинном смысле слова, – писал он же, – то его “определенность” заключается в отсутствии всякой заранее и навсегда закодированной в нем определенности. В универсальности. < > Разумеется, будучи, в принципе, в “сущности” универсальным, реально-эмпирически любой человек – не универсальное, а определенное (т. е. “ограниченное”) существо. Человек есть там, где есть такая индивидуализированная универсальность, “оединенная всеобщность”. Или “всеобщая индивидуальность”, личность, что одно и то же» [3, с. 290].

В понимании природы человека можно отметить еще две крайности [6]. В первой группе теорий – *антропологический эссенциализм*, от слова «essentia» (сущность) – утверждается, что сущность человека предзадана отдельному индивиду. Такие теории «фундируются» как правило, в биологию, и им присущ *объективизм* в понимании человека (фрейдизм, социал-дарвинизм – Ж. А. Гобино, Ч. Ломброзо, Л. Гумплович, А. Розенберг и др.). Объективизм питает собой разные формы *тоталитарного гуманизма*: путь к единой человечности может осуществляться тотальным включением каждого индивида в нивелирующую личность структуру идеологизированного общества. Отклонение от идеала сущности человека квалифицируется как антигуманизм. Тоталитарный гуманизм исключает индивидуализацию.

Вторая группа теорий – *антропологический экзистенциализм*, от слова «экзистенция» (существование) – утверждает обратное: сущность человека ему не предзадана, существование (existentia) человека предшествует его сущности, которая конституируется в актах выбора, самопроектирования и самоответственности за выбор и проект.

Если эссенциализм игнорирует субъективную сторону бытия человека, то экзистенциализм – объективную, социально обусловленную; если, по эссенциализму, человек завершен, монолитен, остановлен в развитии, не процессуален, то для экзистенциалистов сущность человека уникальна, разнообразна, неповторима и неравнима, что уничтожает родовую определенность человека; наконец, обе группы этих теорий *антиисторичны*.

История, конечно, сформировала сущность человека в ее родовой определенности, но эта определенность модифицируется в актах деятельности и общения в тот или иной период истории; ее видоизменения – «это действительно, важное усовершенствование человеческой природы, но ни в коем случае не отказ от нее» (К. Маркс).

Относительно крайностей материализма и идеализма в понимании сущности человека известный культуролог В. М. Межуев в выступлении на семинаре, посвященном 85-летию со дня рождения Э. В. Ильенкова (Москва, 2009, Московская гуманитарная академия), ссылаясь на позицию К. Маркса, заметил: «Чума на оба этих дома».

Такая оценка имеет основание. Изложив односторонности реальной жизни, а затем свое понимание человека, полноты его жизненных проявлений, Маркс, которого относят к «материалистам», пишет: «Мы видим, что только в общественном состоянии субъективизм и объективизм, спиритуализм и материализм, деятельность и страдание утрачивают свое противопоставление друг другу, а тем самым и свое бытие в качестве таких противоположностей; мы видим, что разрешение *теоретических* противоположностей само оказывается возможным только *практическим путем*, только посредством практической энергии людей, и что поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой *действительную* жизненную задачу, которую *философия* не могла разрешить именно потому, что она видела в ней *только* теоретическую задачу» [9, с. 123]. И до сих пор она видит только теоретическую, «кабинетную» задачу.

Преодоление крайностей, размышляет Маркс, возможно в процессах самоосуществления людьми своей универсальной общественной природы – как в актах свободной самодеятельности, так

и в ансамбле всех форм общения, общественных отношений, когда человек реализует свои сущностные силы как преобразуемый мир, государство, общество и затем вбирает в себя опредмеченную свою сущность, обогащает, обновляет себя и вновь себя же осуществляет, т. е. не застывает только на «материальном» или на «идеальном», а процессуально объединяет их в *полноте* своего жизненного общественного процесса.

Подытоживая наш краткий обзор, отметим: упрощенный материализм и абстрактный идеализм являют собой нежизнеспособные крайности, в рамках которых невозможно понять диалектическое соотношение материального и идеального в общественном жизненном процессе: когда речь идет об общественной практике, то упускается направляющая роль идеального, а при анализе идеального (общественного сознания) не берется в расчет то, что идеальное представляет собой материальное, относит сознание к материальному.

Если в мышлении идеально представлено содержание общественной практики, то содержание практики реально представляет собой людям содержание их собственного мышления. Это типичное взаимно-рефлективное реальное отношение, суть которого состоит в функции взаимного представительства. «Такие соотносительные определения, – отмечал К. Маркс, – нечто весьма своеобразное. Например, этот человек – король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем они думают наоборот, что они – подданные потому, что он король» [7, с. 167].

В методологическом плане мы исходим из *универсальных* возможностей человека как культурно-исторического *неоконечного* существа, из существенного значения *неорганической* надставки над органическим телом человека, из *самопроизводства* человеком идеальных, социальных и материальных форм, из основополагающей роли *социальной связи*, которая всегда остается *абсолютной* для людей и первичной по отношению ко всем феноменам человеческого бытия, от экономических до религиозных.

Из чего складывается универсальная сущность человека

Раскроем те основы универсальности человека, которые доступны эмпирической проверке и приемлемы для научного сознания.

Первая, исходная, основа – наличие у человека *неорганического тела*. Тело человека включает в свой состав органическое тело и тело неорганическое, функционально-предметное. С появлением неорганической внешней надставки над органическим телом возникает одновременно и «внутренняя надставка» в сфере психики – сознание. Психика обслуживает функционирование органического тела. Сознание появляется как технологически необходимый регулятивный фактор, который направляет функционирование неорганического тела. Это тело может функционировать при условии, если оно представлено в сознании системой значений. Представим это схематично (рисунок):

Структура тела общественного человека

Натурализм в понимании человека как раз упускает решающее значение искусственных органов общественной практики, будь то средства труда или социальные организации.

Неорганическое тело образуют *искусственные органы человеческой воли*. К ним относятся различные техники: *материальная* для обработки природы; *социальная* для обработки людей людьми; *интеллектуальная* для обработки идеальной реальности, тех значений, которые функционируют при посредстве сознания. Все это – методы и технологии духовной деятельности.

Социальная техника, в отличие от материальной, невещественна. Она образована исключительно из отношений между людьми, из их координации и субординации и представлена в сознании людей соответствующей системой значений. Это все социальные организации и институты (государство, вуз, армия). Данная техника «чувственно-сверхчувственная»: чувственная лишь с внешней стороны, сверхчувственная по своей сущности – системы отношений, которые постигается только умозрением. «Вообще отношения, – замечал К. Маркс, – можно только *мыслить*, если их хотят фиксировать в отличие от тех субъектов, которые находятся

между собой в тех или иных отношениях» [11, с. 84]. Например, государство есть организация общей воли граждан для совместной жизни. Эта общая воля регламентирована Конституцией и всей последующей системой права. Как таковое, государство есть система отношений между людьми, направляемая обязанностями и правами граждан, должностных лиц; оно сверхчувственно и постигается только умозрением. Здания, техника, должностная форма одежды суть лишь внешнее выражение нормативно организованных волевых отношений между гражданами. Общественные отношения могут пониматься только благодаря мышлению. Они «возможны лишь в той мере, в какой люди мыслят и обладают этой способностью абстрагироваться от чувственных деталей и случайностей» [12, с. 249].

А такое абстрагирование осуществляется с необходимостью потому, что люди – существа общественные, т. е. они обмениваются содержанием своей субъективности, и процесс обмена в рамках общения и общественных отношений абстрагирует всеобщие инварианты значений от единичных компонентов психики каждого индивида. Государство может функционировать, если граждане сознательно действуют согласно своим обязанностям и правам; оно «сильно сознательностью» народа, добровольной лояльностью, законопослушанием граждан. Поэтому его «нет у животных» (Аристотель).

Техника есть искусственный орган человеческой воли для реализации целей. Технология – это система «люди – техника», взятая в операционально-процессуальном состоянии, как операциональное поле, где взаимодействуют актуальные операции, протекающие во времени, и операции, опредмеченные в пространстве. Для человека техника есть не что-то другое, а «свое другое». В технологии (материальной, социальной, интеллектуальной) выражено активное отношение людей друг к другу и к природе.

Людей можно отличать от животных по разным внешним признакам. Сами же люди начинают выделять себя из мира животных реально и в своем сознании тогда, когда они начинают производить условия для своей жизни с помощью орудий, а орудия – посредством орудий; когда они создают не только материальные орудия для обработки природы в нужном для себя направ-

лении, но и социальные организации для возделывания своей собственной общественной природы наперекор природным вожделениям; в целом, когда они производят совместно свое неорганическое тело, которое опосредствует их отношения к себе самим и к природе и является существенным основанием общественного жизненного процесса. Из процесса совместного созидания этого существенного основания развиваются все сверхприродные (социальные) категории человека, будь то мышление, воображение, эстетическое созерцание, духовные чувства, вся полнота человеческой субъективности. Вся «мерзость старого мира» заключается в частной монополии на это существенное основание, на объективные органы человеческой воли.

Жизнедеятельность животного определена по существу теми естественными орудиями, которые как части тела сращены с животным и не отделимы от него. Естественные орудия (клыки, когти и др.) определяют ареал обитания, способ питания, поведение, иерархию среди других биологических видов. Тем самым эти орудия определяют и особенности психики животного.

Сращенность орудий с телом явилась непреодолимым барьером в эволюции животных. «Дарвин, – отмечал К. Маркс, – пробудил интерес к истории естественной технологии, т. е. к развитию растительных и животных органов, играющих в жизни растений и животных роль орудий». Заслуживает внимания, продолжает он, «история развития производительных органов общественного человека, этих материальных базисов каждой особенной общественной организации» [8, с. 326]. В отличие от «естественной технологии» в природе технология, производимая людьми, удваивается на реальную и идеальную, на практическую и мысленную.

Человек ставит между собой и природой орудия-посредники, которые пространственно отделены от человека. Этим он уже дистанцируется от природы, разрывает естественную чувственную пуповину, слитность с природой. Умножая орудия с помощью орудий, люди обретают колоссальную технологическую мощь по отношению к природе. Орудия становятся дополнительными неорганическими рецепторами в предметном анализе свойств природы, увеличивающими многократно возможности естественных внешних органов чувств человека. С помощью материальной тех-

ники люди превращают свойства и процессы природы в органы своей сознательной воли, вовлекают в материальный процесс все новые связи и зависимости, и, в принципе, наращиванию технологической мощи человека (человеческого рода) нет предела, если нравственность сохраняет свое верховенство.

Маркс писал: «Практическая универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое тело*, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. < > Животное формирует материю только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету соответствующую мерку; в силу этого человек формирует материю также и по законам красоты» [10, с. 565–566].

Еще более важное значение для понимания родовой природы человека имеют искусственные органы, которые люди ставят между собой, регулируя и направляя свою совместную деятельность. Именно эти социально-функциональные органы (социальные институты) служат конкретным основанием для понимания человеческой психики, сознания, мышления.

Вне понимания решающей роли искусственных органов общественного человека в антропогенезе легко отождествить эволюцию природы с историей людей. Критерием же качественного отличия истории от биологической эволюции как раз и является появление искусственного, неорганического тела человека.

Вторая основа универсальности – *социальная наследственность*. Биологическая наследственность закодирована в организме, социальная – транслируется от поколения к поколению посредством культуры, символических и знаковых систем. Культура создается всеми предшествующими поколениями и содержит для каждого отдельного человека бесконечно многообразные варианты саморазвития.

Третья основа – *отсутствие врожденных программ именно социального поведения* – сообщает человеку способность овладе-

вать любыми программами и быть самопрограммируемым субъектом собственного саморазвития.

Четвертая основа – *свобода воли, самодеятельность, творчество*. Психика человека вырвалась из цепи рефлекторного кольца. Между причиной и следствием в действиях человека вклинились размышление, свобода выбора вариантов действия на основе значений, идеального. Свобода есть самопричинность через произвольные, намеренные действия и дана каждому как самоопределение, как выбор возможностей. Мыслить, любить, верить человек может только свободно. Из свободы воли следуют нравственность и право. Право вмняет личности свободу. Человека освобождают от ответственности, если он был в неменяемом состоянии, т. е. если его психика была настолько захвачена аффектами, что погасила свободу воли.

Человек не продолжает наличный причинный ряд, а порождает новые причинные ряды, не вытекающие непосредственно из предшествующих ситуаций. В отличие от животных он не срачивается со своей жизнедеятельностью и с ее продуктами, а отстраняется от них, делает их предметом размышления и воли, изменяет их. Обновляя способы действия, он тем самым обновляет свои способности. Ибо, как уже было сказано, способности есть не что иное, как усвоенные способы действия.

Деятельность по изменению предмета развивается в самодеятельность, т. е. в свободную самонаправленную деятельность, которая устремлена на преобразование самих схем деятельности. Центр тяжести смещается с изменения предмета на «самоизменение» субъекта. Поэтому «человек есть *самоустремленное* (selbstisch) существо» [10, с. 160]. Самоустремленность позволяет каждой сущностной силе – воображению и эстетическому созерцанию, мышлению и воле, вере и любящему сердцу – не терять себя в предмете и обновлять свое содержание в его бесконечном эмоциональном и смысловом многообразии.

Субъект самодеятельности относится к своим личностным предметным воплощениям как основа к обоснованному и выступает как существо самообоснованное, как самоустремленная социальность, «он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» (К. Маркс). Связка

«свобода – самодеятельность – творчество» позволяет человеку быть не застывшим кристаллом, не цельнокаменной натурой, скроенной природой раз и навсегда, а субъектом самоопределения, самообновления, самоосуществления; т. е. быть неоконечным.

Пятая основа – *общественная природа человека* – интенсивно раскрывается в актах общения, общественных отношениях. Именно общение принуждает психику к обобщению, к общим, социально важным значениям, без которых собственно общение невозможно. Сознание (совместное знание) и есть система всеобщих, социально важных значений. Общественные отношения резко раздвигают горизонт сознания, и человек, будучи родовым существом (ощущающим себя наследником культуры человеческого рода), осознает род вещей, их закон и сущность, а не просто случайные внешние особенности, данные в живом восприятии.

В общении осуществляется обмен различными содержаниями человеческой живой субъективности, происходит взаимное дополнение, обогащение и обновление субъектов общения, осознание родовой природы человека, развернутой в бесконечном вариативном многообразии; приходит понимание того, что ни одна личность не может исчерпать полноты всей человеческой субъективности. Такое понимание предохраняет личность от абсолютизации своей позиции по тому или иному вопросу и ориентирует на опыт другой личности как на возможность увидеть мир в иной грани, в новом измерении. Способности и опыт других людей превращаются в дополнительные духовные органы личности. «... Чувства и наслаждения других людей, – подчеркивает К. Маркс, – стали моим *собственным* достоянием». У человека, поясняет он, «кроме ... непосредственных органов образуются *общественные* органы в *форме* общества. < > Так, например, деятельность в непосредственном общении с другими и т. д. стала органом проявления моей жизни и одним из способов усвоения человеческой жизни» [10, с. 121]. Общение креативно и антропологично не только потому, что оно взаимно обогащает содержанием субъективности, но и потому, что может сообщать перспективу личности: чем больше масштаб того общего дела, в котором личность участвует, тем труднее, серьезнее, интереснее, значительнее становится сама жизнь, дарующая вдохновение, творчество, прозрение и умудрение. Это в рам-

как буржуазности своекорыстный расчет, личное обогащение, кривляние в пустяках могут казаться «умением жить».

Шестая основа – *разумная сущность человека*. Тело немыслящее действует согласно своим материальным свойствам. Мыслящее же тело строит свои действия согласно формам и закономерностям внешним тел, причем любых [2, с. 38–40]. Оно учитывает логику того целого, в составе которого оно действует. Мыслящее существо идеально перестраивает схемы действия согласно новым обстоятельствам. Благодаря мышлению человек выступает не частной силой природы наряду с другими ее силами, а как субъект, способный управлять всеми стихийными силами. Разум – универсальный инструмент не только планетарного, но и космического масштаба¹. Человек превращает механические, физические, химические, биологические, социальные силы и процессы в органы своей разумной воли, бесконечно увеличивая свою власть.

Универсальность человека поэтапно разворачивается в истории через многие поколения и деяния миллиардов людей. Это – величественный процесс в масштабе мироздания. «Природа величественна, – писал великий космист Ф. Энгельс в одном из писем. – Я всегда с любовью обращался к ней, но история кажется мне даже более величественной, чем природа. Природе потребовалось миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать совместную деятельность сознательно: сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы ... добиваясь сообща заранее поставленной цели. ... Наблюдать этот процесс, это все приближающееся осуществлению положения, небывалого еще в истории нашей планеты, представляется мне зрелищем достойным созерцания, и я в силу всего своего прошлого не мог бы оторвать от него своего взора!» [13, с. 55–56].

Вектор исторического саморазвития заключается в самоосвобождении людей от природной стихии на тернистом пути восхождения к большей свободе, к духовному совершенству, к гармонии духа и природы, к осознанию духовного единства человеческого рода.

¹ Мышление индивидуума есть общественная сила, оно есть *идеально выраженная аналитико-синтетическая мощь общественного труда*, проецируемая на реальность. Таково мышление в его необходимости.

Практическая универсальность выражается и продолжается субъективно во всеобщих по значению продуктивно-творческих силах человека, которые организуют все особенные, профессиональные умения.

Мышление, способное понимать объективные закономерности любой реальности, вынося субъективное сопровождение за скобки; продуктивное воображение, моделирующее формы и образы в их бесконечном разнообразии и смысловом единстве; духовные чувства, окультуренные пониманием и возникающие от переживания значений в бесконечном многообразии; воля, способная переводить знания и ценности в реальные поступки и дела, осуществлять понятия и ценности, давать им практическое воплощение; бескорыстное эстетическое созерцание, дарующее способность переживать меры и гармонии в их многообразии; вера, устремленная на надындивидуальные, надгрупповые абсолютные и совершенные ценности, выводящие сознание из застенков быта и социального бытия в бесконечную сферу безусловных значений и божественных смыслов, и служат основой духовного единства и сплоченности народа. К этому непременно следует добавить совесть, оценивающую помыслы и деяния с надындивидуальных, сверхнациональных, сверхконфессиональных позиций и исходящую из равноценности достоинства каждого человека независимо от пола, социального положения, национальной принадлежности – т. е. с позиций должного нравственного совершенства, и любящее сердце, которое «учит нас увидеть лучшее, избрать его и жить им» (И. А. Ильин) и дарует способность художественно переживать объективно лучшие содержания.

Острые экологические, социально-классовые и мировоззренческие проблемы ставят перед наукой XXI в. задачу – вернуться из «рассеяния» в материально-предметной, политической, эгоистически классовой сферах в *креативную культурную антропологию*, чтобы разрабатывать концепции и технологии, направленные на культивирование универсальной сущности человека на пути к совершенству, к гармонии духа и природы, к братскому единению народов. Разумно продолжать развивать не объектную, а *субъектную* классическую философию, идущую от Сократа, к Канту, Фих-

те, Гегелю и к Марксу и обогащенную богатым ценностным содержанием совершенства русской философской классики.

Аналогично известной схеме буржуазного вещного производства «Д – Т – Д» можно выстроить схему воспроизводства продуктивно-творческих сил человека: *«продуктивно-творческие силы – их воплощения – прирост и обновление этих сил»*. «Общество стало уже достаточно богатым, чтобы позволить себе развивать свою культуру не за счет превращения индивида в профессионально-ограниченного, “частичного” человека, а за счет максимально полного развертывания всех возможностей, заложенных в нем природой» [3, с. 291].

В заключение отметим следующее. К. Маркс понимал свободную самостоятельность человека как атрибут, связывая с универсальностью перспективу общества. Буржуазная установка на производство прибыли (максимум прибыли, минимум нравственности), на сведение социальной эффективности лишь к одному стоимостному показателю тянет человечество в пропасть. Критика Марксом антисоциальности капитализма справедлива и поныне. Ибо производство капитала уродует целостность человека, его универсальность, используя человека не по назначению¹.

Для того чтобы универсальная сущность человека получила достойное осуществление, необходим переход от экономики спекулятивно-рыночной, ориентированной на прибыль, к экономике креативной, нацеленной на социальную положительную эффективность, на качество жизни, на воспроизводство целостных индивидов. Такая экономика, образно выражаясь, соединяет творческое созидание вещей и людей – и машиностроение, и человекостроение, и жизнестроение. Это радостная экономика, в которой труд осуществляется не как «работа» ради внешних к труду мотивов, ради заработка, не как «мука» и «самоутрата», но как «игра

¹ В Перми в кафе «Хромая лошадь» в конце 2009 г. от вспыхнувшего пожара погибло свыше 150 человек. Александр Проханов, писатель и редактор газеты «Завтра», которому присуще на редкость метафорически-образное мышление, в радиопередаче на «Эхо Москвы» от 9 декабря 2009 г. заметил: крик ведущего шоу-представление «Господа, мы горим!» символизирует состояние современной России. В воображении витают символические образы: Петр I на постаменте в Санкт-Петербурге, вздыбивший Россию, Георгий Жуков, принимающий парад Победы на белом коне в мае 1945 г. и ... пермская «Хромая лошадь».

физических и духовных сил», как свободное самоосуществление человека, его способностей; т. е. как прикладная креативная культурная антропология.

Литература

1. Жукоцкий В. Д. Маркс после Маркса: материалы по истории и философии марксизма в России. Нижневартовск, 1999.
2. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., 1974.
3. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М., 1968.
4. Ильенков Э. В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. М., 1984.
5. Кара-Мурза С. Идеология и мать ее наука. М., 2002.
6. Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург: УрГУ – ИфиП УрО РАН-РФО, 2007.
7. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1973. Т. 23. С. 623.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. СПб., 1872. Т. 1.
9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. М., 1974.
10. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
11. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 2. М., 1974.
12. Маркс К. Экономические рукописи 1861–1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47.
13. Энгельс Ф. Письмо Джорджу Уильяму Ламплу. 11 апреля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. М., 1966.